

ФЕЛЬЕТОН

ПОД СЕНЬЮ СТРУИ

Как-то принято приручать к театрам четвероногих и пернатых. Великолепные камни, выраженные в колесницу, кажутся вид, что вот-вот взойдут к небу с крыши Большого Академического театра. В складках мятловского занавеса прочно свила себе гнездо свободолюбивая птица — чайка. Еще до открытия занавеса чайка как бы заверяет зрителей, что творческий коллектив не стоит на месте: он движется, он окрылен и полон благородных устремлений.

У нового здания Сухумского государственного драматического театра, который был открыт в декабре прошлого года, строители установили четырнадцать огромных цельнометаллических грифонов. Расположившись перед главным входом, грифоны, как изданию выразилась местная газета, «исторгают параболические струи» в бассейне фонтана. И, право, за водяной массой чудовища выглядят более или менее привлекательно.

Как предполагал, в день открытия нового здания театра было произнесено много хороших слов.

— Мы не только перешли из старого помещения в новое, — говорили руководители театра. — В жизни нашего коллектива наступает знаменательный период. Мы должны работать все лучше и лучше.

Засим в театр пошла зритель. Публика с гордостью осматривала новое театральное здание. И, в самом деле, это был замечательный подарок городу. Сухумцы мечтали о таком театре. Сделано все было щедро и пышно. С потолков свисали хрустальные люстры. В их лучах поблескивал мрамор колонн. Полированный капитан, замысловатым способом вделанный в своды фойе, голубой бархат кресел, лепные орнаменты, окантованные золотыми жгутами, — все в новом театральном здании сияло и сулило любителям искусства много радостей. А ведь ради этого, собственно, и было воздвигнуто чудесное здание.

Некоторое время длилось паломничество в новый театр. Но мало-помалу с публикой стало твориться что-то непонятное. Она как бы охладела к драматическому искусству, отворачивалась от театра, перестала в него ходить. Зрителя не привлекали уже ни хрустальные люстры, ни мраморные колонны, ни фонтаны, исторгавшие параболические струи. Вскоре и фонтаны заглохли, перестали, так сказать, исторгать. Сухие, позеленевшие грифоны стояли, премемерно разинув пасти, с выражением горестного недоумения.

— Почему нет воды? — казалось, спрашивали они. — Почему нет публики?

В самом деле, почему?

Почему вновь отстроенный театр, театр с хорошими творческими силами перестал привлекать зрителей? Актеры те же, кресла, обитые голубым бархатом, куда приятнее прежних простых скамей, а вот публики нет. Публика прогуливается по набережной и дышит морским воздухом. Она отказалась сидеть среди мраморных колонн и скучать.

Но почему опасение ежуки так «грозно нависло» над зрителем? Ведь, казалось бы, сделано все для того, чтобы создать в Сухуми хороший театр. Государство отпустило большие средства на строительство первого национального театрального здания. Из старого, неудобного и тесного помещения коллектив драматического театра (грузинская и абхазская труппа) переехал в новое, оборудованное по последнему слову техники. Каза-

лось бы, каждая деталь в этом новом здании говорит:

— Занимайтесь, товарищи артисты, своим благородным делом, воздействуйте на зрителей своим талантом, воспитывайте его в любви к Родине... Одним словом, творите!

Но товарищи артисты (не все, конечно) стали думать не столько об искусстве, сколько о корысти. И еще какие товарищи! Уважаемые и почитаемые товарищи.

Заслуженный деятель искусств Грузинской ССР Сергей Филиппович Челидзе был директором театра. Это ему показались недостаточными. Он решил назначить себя одновременно главным режиссером грузинской драмы. Прошло немного времени, и в театре был издан новый приказ. Этим документом Сергею Филипповичу присваивалась третья должность — главного режиссера абхазской драмы.

Но беда, что Сергей Филиппович незнаком с абхазским языком. Да и зачем он ему? Заслуженного деятеля искусств Челидзе вовсе не волновала судьба абхазской драмы. Ему важно было получить третью ставку. А ставки не маленькие: каждая по две тысячи рублей. Разн них Челидзе был согласен поступиться некоторыми принципами и похалтурить.

Сергей Филиппович подал пример, а за ним потянулись и другие.

Заслуженный артист Грузинской ССР Михаил Дмитриевич Чубинидзе был ведущим актером грузинской драмы. Это ему показалось мало.

Директор халтурит, а чем я хуже? И Чубинидзе занял вторую должность — назначили его ведущим постановочной частью абхазской драмы.

Заслуженный артист Грузинской ССР Семен Александрович Гамрекели был ведущим актером драмы. Для того, чтобы обеспечить Гамрекели вторую ставку, ему поручили заведовать постановочной частью грузинской драмы.

От ведущих актеров не отстали и остальные. Артист А. И. Бокучава стал по совместительству руководить мебельно-реставрационным цехом; утром, бедняга, несет прозаическую службу хозяйственника, пересчитывает пуговицы, а вечером служит Мельпомене. Помощник режиссера грузинской драмы К. А. Чахава прикинулся в суфлерской будке.

Спектакли репетировались наспех, как-нибудь: ведь совместителям — актерам и режиссерам — не хватало времени на серьезную, вдумчивую работу. Совместители торопливо отработывали свои двойные и тройные ставки. Может быть, в Сухуми не хватало квалифицированных артистов? Нет, артисты были, и притом квалифицированные, только некоторых подвела корысть. А где корысть, там уже не до искусства. Удлекшись делами коммерческими, театральные деятели по существу забыли о творчестве, и спектакли стали бледнее и унылее, а в кассе театра пустеет день ото дня. За девять месяцев этого года театр дал больше 827 тысяч рублей убытка.

Сухумские зрители перестали ходить в свой театр. Четырнадцать грифонов — де-тища античной скульптуры — исторгали параболические струи. Все теперь поедает совместители. Тут уж не до струй. В апарте халтурят не только грифоны, забыто само театральное искусство.

И. МЕСКИ.

г. Сухуми.